

Научная статья

УДК 398.8 (=511.132)

DOI 10.25587/2782-4861-2026-1-77-88

КОМИ ЭПИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ О ПЕДОРЕ КИРОНЕ: В ПОИСКАХ ИСТОКОВ

А. В. Панюков¹, Г. С. Савельева²

¹Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия,
e-mail: apankomisc@mail.ru

²Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия,
e-mail: galsav69@mail.ru

Аннотация. Несмотря на очевидный заимствованный характер, эпическая песня о Педоре Кироне не имеет аналогов в русском фольклоре. Если имя героя очевидно восходит к имени христианского святого Федора Тирона, то сюжет песни никак не пересекается ни с житийным сюжетом о святом, ни с духовным стихом о Федоре Тироне. Песня бытовала только в одной узколокальной традиции, но при этом записанные варианты невозможно свести к единому инварианту или хотя бы сюжетному циклу. Поиск ответов на эти два текстологических вопроса определяют актуальность данного исследования. Цель работы: изучить все имеющиеся варианты эпической песни и выявить инвариантные составляющие сюжета. Задачи: провести сопоставительный анализ текстов, рассмотреть возникающие параллели эпического сюжета с произведениями других жанров коми и русского фольклора, определить источники отраженных в песне персонажей. Авторы привлекают новый архивный материал, а также полученные в ходе полевых исследований данные, выстраивая общую картину бытования эпической песни в контексте как собственно коми традиции, так и русского фольклора. Для изучения фольклорных текстов и широкого спектра фольклорных и историко-этнографических сведений применялись методы сравнительно-сопоставительного и структурно-семантического анализа. Были выявлены две составляющие эпического сюжета, одна из которых восходит к контаминированной версии солдатской песни о гибели воина на чужбине, а вторая может быть определена как исходный сюжет о Педоре Кироне. Исследуя образ матери героя «Темрюковны», авторы выдвигают предположение, что в эпической песне могут быть отражены образы трех святых Федоров – Федора Тирона, Федора Стратилата и сына Ивана Грозного Федора, канонизированного как Благоверный Федор I Иоанович, царь Московский. Дальнейшее исследование коми эпического сюжета может быть направлено на поиск аналогий с русским богатырским эпосом.

Ключевые слова: фольклор; коми-зыряне; русские заимствования; исторические песни; солдатские песни; духовные стихи; житийный сюжет; святой Федор Тирон; Педор Кирон

Финансирование: Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (НИОКТР № 126020216214-3).

Для цитирования: Панюков А. В., Савельева Г. С. Коми эпическая песня о Педоре Кироне: в поисках истоков. *Эпосоведение*. 2026;1(41):77–88. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-1-77-88>

Original article

Komi epic song about Pedor Kiron: in search of origins

Anatoliy V. Panyukov¹, Galina S. Savelyeva²

¹Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, UB RAS, Syktyvkar, Russia,
e-mail: apankomisc@mail.ru

²Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, UB RAS, Syktyvkar, Russia,
e-mail: galsav69@mail.ru

Abstract. Despite the obvious borrowed nature, the epic song about Pedor Kiron has no analogues in Russian folklore. With the name of the hero obviously going back to the name of the Christian saint Fyodor Tyrone, the plot of the song does not intersect in any way with either the everyday plot about the saint or the spiritual verse about Fyodor Tyrone. The song existed only in one narrow-local tradition, but at the same time the recorded options cannot be reduced to a single invariant or at least a plot cycle. The search for answers to these two textological questions determines the relevance of this study. The purpose of the work was to study all available variants of the epic song and identify the invariant components of the plot. Tasks: to conduct a comparative analysis of the texts, to consider the emerging parallels of the epic plot with works of other genres of Komi and Russian folklore, to identify the sources of the characters reflected in the song. The authors drew on new archival material, as well as data obtained during field research, building an overall picture of the epic song in the context of both Komi tradition proper and Russian folklore. Methods of comparative and structural semantic analysis were used to study folklore texts and a wide range of folklore, historical and ethnographic information. Two components of the epic plot were identified, one of which goes back to a contaminated version of a soldier's song about the death of a warrior in a foreign land, and the second can be defined as the original plot about Pedor Kiron. Examining the image of the mother of the hero of Temryukovna, the authors suggest that the epic song may reflect the images of three saints Fyodor Tyron, Fyodor Stratelates, and the son of Ivan the Terrible, Fyodor, canonized as the Venerable Fyodor I Ioanovich, Tsar of Moscow. Further research on the Komi epic plot may be aimed at finding analogies with the Russian heroic epic.

Keywords: folklore; Komi-Zyryans; Russian borrowings; historical songs; soldiers' songs; spiritual verses; hagiographic plot; Saint Fyodor Tyrone; Pedor Kiron

Funding: The work was carried out within the framework of the planned research topic (NIOKTR No. 126020216214-3).

For citation: Panyukov, A. V., Saveleva, G. S. Komi epic song about Pedor Kiron: in search of origins. *Eposovedenie*. 2026;1(41):77–88 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-1-77-88>

Введение

Открытие коми песенного эпоса связано с именем А. К. Микушева – составителя ряда эпических сборников и, прежде всего книги «Коми народный эпос», вышедшей в серии «Эпос народов СССР» в 1987 г. [1]. Как исследователь коми эпической поэзии, А. К. Микушев придавал особое значение эпическим сюжетам о героях-защитниках русской земли – песням о Ки́рьяне-Ва́рьяне и Пе́доре Ки́роне, видя в них яркое воплощение фольклорного историзма. Именно четко выраженный историзм образов, обилие исторических реалий, установку на достоверный факт происходящих в сюжетах событий (таких, как борьба с иноземными захватчиками, отраженная в образах противников) исследователь выделяет как главную черту всего коми-зырянского эпоса [2, с. 46].

Эпическая песня о Пе́доре Ки́роне по праву может быть названа одной из самых загадочных по своим истокам. Сюжет песни не имеет явных пересечений ни с житийным сюжетом о святом, ни с духовным стихом о Фе́доре Ти́роне, несмотря на то, что имя Пе́дор Ки́рон явно восходит к имени этого святого. Общим можно назвать только то, что оба героя сражаются с врагом, и в обоих сюжетах присутствует образ матери богатыря; можно отметить еще ряд типологических формул песенной сюжетики историко-героического характера (призыв на битву, посе-

щение церкви перед битвой и т. п.). Не менее парадоксально и то, что песня бытовала только в одной узколокальной верхневыхгодской традиции, замкнутой конфессионально¹, но при этом записанные варианты невозможно свести к единому инварианту или хотя бы сюжетному циклу.

В. А. Бахтина, посвятившая исследованию русского духовного стиха о Федоре Тироне ряд работ [4, 5], привлекала коми эпическую песню о Педоре Кироне как определенный маркер бытования этого духовного стиха на Русском Севере. Отталкиваясь от имени главного героя песни, которое прямо указывает на источник – русский духовный стих о Федоре Тироне или апокрифическое его житие, она выделяет и общий круг представленных персонажей (Федор Кирон, его матушка и верный конь). В результате трансформации исходного сюжета духовного стиха в коми традиции исчез змееборческий эпизод (успешное сражение Федора со змеем и освобождение плененной змеем матушки), роль матери усилилась (она долго не отпускает сына на битву и в последний призыв дает сыну благословение). То, что в большинстве коми-зырянских вариантов Педор Кирон гибнет от полученных ран, может быть связано с каноническим житием Феодора Тирона [4, с. 33–34].

С несколько иных позиций подходил к анализу коми эпических сюжетов А. Н. Власов [6]. В рамках проблематики межэтнического взаимодействия русских и коми исследователь выносит на первый план органическую взаимосвязь коми эпических песен с песенным фольклором. Так, в статье «Педор Кирон» в энциклопедии «Мифологии коми» автор подчеркивает, что от содержания русского духовного стиха в коми вариантах осталось только имя героя. В конфессиональной традиции имя христианского героя-воина Федора Тирона стало нарицательным и ассоциировалось с образом воина как таковым, приобретая черты лирического героя солдатских песен: «Условность образа достигается путем именованного безымянного молодца из русских песенных сюжетов и внесения в образную систему сказочного колорита (коня Сивки-бурки, сцены уничтожения врагов вырванной с корнем березой, преодоления больших расстояний со сказочной быстротой и др.). Перед нами явление фольклорного “перевода”, или перекодировки образа в связи с законами другой традиции» [7, с. 292].

Сегодня помимо восьми опубликованных в «Коми народном эпосе» вариантов песни о Педоре Кироне², в нашем распоряжении имеется еще семь архивных записей, которые позволяют расширить круг источников, связанных с этим эпическим сюжетом³, и попытаться обозначить некоторые проблемные точки, связанные с происхождением этой эпической песни.

Педор Кирон и Федор Тирон

Наша исходная позиция в какой-то мере противопоставлена обозначенным выше точкам зрения. Прежде всего, следует, видимо, исходить из того факта, что коми эпические песни о Педоре Кироне никак не связаны с русским духовным стихом о Федоре Тироне. Очевидно, что форма имени Педор Кирон связана только с рассматриваемой эпической песней. Возможно, что песня уже в таком виде проникла в верхневыхгодскую традицию. Далее, в имеющихся записях песен нет никаких деталей, позволяющих связать образ Педора Кирона с церковным каноническим образом: Феодор Тирон (Тирон ‘воин-новобранец’) – великомученик, христианский святой, день памяти – суббота на первой неделе Великого поста. Кроме того, образ Педора Кирона никак не связан и с известным коми фольклорной традиции образом Федора Тирона. Так, в предание о Федоре Тироне [8, с. 32–34] он выступает в роли крестителя коми язычников, замещая образ крестителя пермян Стефана Великопермского. Это предание имеет географическую и хронологическую привязку: «Очень давно когда-то на Печоре был какой-то религиозный деятель Федор Тирон. Он может быть жил еще при Иване Грозном. Отец так рассказывал.

¹ Регион бытования эпической песни о Педоре Кироне связан с возникшим на рубеже XIX–XX вв. религиозным течением «бурсылысьяс» («певцы добра») (см. [3]).

² Восемь текстов опубликованы в отмеченном выше двуязычном издании: [1]. Все варианты песни о Педоре Кироне значатся под № 19. В дальнейшем при ссылках на текст этого издания приводится общий номер всех текстов (№ 19) и номера соответствующих вариантов.

³ Последняя запись песни сделана Г. С. Савельевой в 2023 г. в с. Помоздино от В.П. Зюзевой, 1955 г.р.

И он печорских коми – тогда ведь коми уже там жили, – в христианскую веру обращал. А у нас в нашем глухом краю разве можешь быстро окрестить, язычников <...> И тогда этот, то ли священник, то ли епископ, Федор Тирон, ходил из деревни в деревню. Не один же, видимо, ходил, отряд же, видимо, у него был. С отрядом ходит и розгами наказывает. Крестит. Учит, как молиться и прочее» [8, с. 33]. Как видим, и этот сюжет не имеет отношения ни к духовному стиху о Федоре Тироне, ни к каноническому образу святого. Отметим присутствующий здесь оригинальный мотив: Федор Тирон наказывает язычников розгами, поэтому коми язычники убегают за Камень (Урал). Можно предположить, что образ Федора Тирона с розгами имеет иконографический исток: традиционно, великомученик изображался как воин с поднятым вверх копьем, которое могло быть трактовано как «палка погонщика» (stimulus) или розгу в руках святого. Возможно и то, что иконографический контекст сыграл не последнюю роль в создании многих агиографических сюжетов: все персонажи Святого воинства изображались в одном ключе, отличаясь деталями (например, [9]); стоит вспомнить здесь и змеборческий мотив, объединивший образы св. Федора Тирона и св. Георгия).

Песня о Педоре Кироне и солдатские песни

Далее, стоит акцентировать внимание на обозначенном выше текстологическом парадоксе: несмотря на то, что все песни о Педоре Кироне записаны в одной узколокальной традиции (несколько населенных пунктов в верховьях Вычегды), они не представляют единого жанрового образования. И первый тезис, который мы выносим на обсуждение, будет таким: эпическая песня о Педоре Кироне представляет собой контаминацию двух самостоятельных сюжетов, бытовавших как две песни. Это сюжет о призыве Педора Кирона на битву и сюжет о гибели героя на чужбине.

Обратимся вначале ко второй части. Сюжет «гибель воина на чужбине» (умирающий на поле брани воин посылает своего коня домой с вестью о своей смерти от ран) представляет собой отдельную лирическую песню, бытовавшую и в данной локальной традиции. Один из вариантов этой песни («Далеко-далеко дуб стоит») опубликован в первом томе «Коми народных песен» вслед за «Педором Кироном» [10, с. 31–32]. В комментариях к песне «Далеко-далеко дуб стоит» отмечается, что она бытовала только на верхней Вычегде: «Эпическая. Широкого распространения не имеет. По характеру исполнения – это песня- импровизация, по содержанию приближается к песням о Педоре Кироне» [10, с. 269]. В опубликованных позже в «Коми народном эпосе» вариантах песни о Педоре Кироне эти два сюжета соединяются: Педор Кирон «Поскакал в поле, храбро воевал / Семьдесят семь ран получил, / Посреди темного леса упал» (19-VI). И далее почти дословно воспроизводится упомянутая выше песня «Далеко-далеко дуб стоит»: Педор Кирон получает семьдесят семь ран, добирается до большого дуба, падает с коня и посылает с письмом о своей гибели (19-V). Исходя из самостоятельности двух частей песни, не совсем корректным выглядит включение в общий список варианта (19-VII): здесь нет Педора Кирона, а вместо него – «удалой парень Коми земли» – безымянный воин, умирающий от одиннадцати ран и посылающий с конем письмо о своей гибели на чужбине. Последний вариант (19-VIII) так же представляет собой лирическую песню «Далеко-далеко дуб стоит», в которую вставлен образ Педора Кирона. Нами обнаружена еще одна запись этой солдатской песни⁴, почти идентичная по тексту с вариантом (19-VIII), но нет образа Педора Кирона, и от семидесяти семи ран в шатре под дубом умирает безымянный воин.

Во многих вариантах песни о Педоре Кироне лирический сюжет об умирающем от ран воине контаминирован с сюжетом другой солдатской песни о воине, погибшем и лежащем захороненным на чужбине. Два варианта подобных песен, представляющих довольно точные переводы русских солдатских песен опубликованы в трехтомнике «Коми народные песни»: *Рытыввывсянь туча кыпöдчö э-ой. / Ме кö чайті тучаён э-ой, / Вöлөмкö да юсь-дзодзöг...*

⁴ Записана Кипрушевым в с. Усть-Кулом в 1977 г. от О. В. (фамилия не зафиксирована).

Подымалась туча с запада. / Мне показалось – это туча, / Оказалось – гуси-лебеди' [10, с. 35] (за гусями-лебедями летят птицы молодые, за ними гонится старый орел; он бывал в Саратове, видел тело белое; к телу белом прилетают три ласточки; у первой ласточки слезы рекой льются, у второй – ручейком, у третьей – как утренняя роса; первая ласточка – матушка родимая, вторая – сестра, третья – любимая женушка). Нижневыхегодский вариант отличается зачином и некоторыми деталями: *Море дорын туман лыбѡдчѡ, ок / Ме думайті туман да. / Вѡлѡм юсь-дзодзѡг лѡбѡ* 'Возле моря туман поднимается, эх / Я подумала туман, / А это гуси-лебеди летят' [11, с. 40]. Обычно исследователи приводят как параллель из русского фольклора песню «Горы Воробьевские»; более близок к коми вариантам текст с зачином «Ой, не туман-то с моря подымается», записанный в Ростовской области [12, с. 370, № 147] Вероятно, изначально такой контаминированный сюжет использовал только последний эпизод об оплакивании убитого воина родными (три ласточки плачут – матушка (мать с отцом), сестрица (сестра с братом) и жена).

О самостоятельности и популярности этого контаминированного сюжета говорит и возникновении песни о гибели охотника-промысловика, образ которого подходит по «воинской» атрибутике:

*Ылын ылын дуб сулалѡ,
Дуб гѡгѡрис шатер зѡвтѡма,
Шатер пыяс крѡватис,
Крѡватъ вылас бур вольпасис,
Вольпасъ вылас бур прѡмышленникис,
Юр улас бур йыла пуртіс,
Кок улас лызис да кѡмис,
Веськид бокас сирпу бедьдис,
Шуйгала бокас ньывйис да вужйис,
Айелі-мамѡлі висътав.
Айэлэн-мамлѡ бур ю синвайис,
Чоелэн-воклэн бур шор синвайис,
Гѡтырейлэн только асья лысва кѡтасьѡ.
Мамис-батис каемась,
Прѡмышленниклѡн кувсьѡма и бырѡма, зштѡма.*

Далеко-далеко дуб стоит,
Вокруг дуба шатер натянут,
В шатре кровать,
На кровати хорошая постель,
На постели добрый промысловик.
Под головой добрый острый нож,
В ногах – лыжи и обувка,
У правого бока – копье из вяза,
С левой стороны – лук да стрелы.
Отцу-матери передай.
У отца-матери слезы с большую реку,
У сестры с братом – словно большой ручей,
У жены – с утреннюю росу.
Мать с отцом отравились туда:
А промысловик уже умер, нет его больше⁵

Можно предположить, что объединение сюжета о Педоре Кироне и сюжета лирической солдатской песни в определенной степени связано и с орнитологическими рядами: птицы из вещей снов Педора Кирона (ворон, гуси) и птицы из лирической песни (гуси-лебеди, старый орел, ворон, ласточки), которые обрамляют общий сюжет песни о Педоре Кироне.

Далее, в архивных материалах 1923 г. А. С. Сидорова зафиксирован своего рода «промежуточный» этап бытования двух песен о Педоре Кироне:

*Ылін-ылін пан тшынасе,
Тшын дорас ке шатерт зѡвтѡма,
Шатерт дорас вѡв сулалѡ.
Шатерт улас гу годьѡма,
А гуас ке бурт морт куйлѡ.
Педор Кирон, бур мортанѡй,
Роч му кутысей...*

Далеко-далеко жрец дым развел⁶,
У дыма шатер натянут,
У шатра конь стоит,
Под шатром яма вырыта,
А в яме той добрый человек лежит,
Федор Кирон, добрый человек,
Держатель земли русской...

⁵ Фонды Национального музея РК. КП-12494, Л.50. Песни народные [31.10.1919 – 17.05.1927 гг.]. Рукопись. Место записи и собиратель не зафиксированы, верхняя Вычегода. Перевод авторов.

⁶ Вариант зачина связан с образом Пана 'Жреца', восходящим к зачину распространенного кумулятивного сюжета «Пан тшын» (Дым жреца) (см. [13]).

«Так начинается отрывок из былины про Федора Кирона. Он, герой легенды, раненный лежит под шатром в яме. А конь спрашивает, может ли встать и погулять на нем в чистом поле и поражать врагов. Федор Кирон обессиленный попытается выйти из ямы, но не может, и тогда посылает коня к своей матери известить о своей смерти. Конь идет, останавливается у окошка Федора Кирона, но мать не слушает и обвиняет его в гибели своего хозяина, и затем посылает его обратно к шатру, чтобы привести раненного домой, чтобы после смерти похоронить по христианскому. Федор Кирон отказывается и говорит, что отпоют ему песню похоронную птицы небесные, и умирает. Этот отрывок из былины про Федора Кирона. Поется стариками отдельно от самой былины. Сама былина начинается так: *“Педор Кирон водіс узыні и кутіс вѳтасні: кыз кымѳр кыпетчис. Кыз кымѳр бѳрас гым–чард кыпѳтчис /Л. 192/ Гым–чард бѳрсянь зѳр-ва кыпѳтчис. Зѳр-ва бѳрсянь кык кырныш лѳзбисні, жѳлѳб крук йылѳ крук-крук вартісні, бѳрлань лѳзбисні. Педор Кирон садьмис, четчис. Мыссис– чычикисис, сынасис–зувасис, кѳмасис–нась-тасис, вѳл вилѳ сѳліс да вичкоѳ муніс. Вичкоѳ пырис весьид кырлес вилас. Кор асья помасис, да асья ѳбедня кост вовис, кык посол локтісні. Ная шубні: «Педор Кирон, бур мортанѳй, Роч му кутысьѳй, корисні же корисні гымкѳд вотча, чардкед панід”. Посольяс волісні куйимись. Педор Кирон вичкоись гортас муніс, мамислись благѳслѳвенье корис, сѳсся вѳл вилѳ сѳліс да война вилѳ муніс...Педор Кирон эл уна йѳз вяяс: “Кералас да кералас... Вир вѳл пидзесѳдзис лѳѳ... Кералас да кералас вир вѳл кынѳм улѳдзис лѳѳ”* (Федор Кирон лег спать и приснился ему сон: большая туча поднялась. За большой тучей гром-молния поднялись. За громом-молнией дождь-вода поднялись. За дождем-водой два ворона полетели, на крюк желоба сели, “крук-крук” – крикнули, обратно улетели. Проснулся Федор Кирон, встал. Умылся-обтерся, расчесался – причесался, оделся-обулся, сел на коня и в церковь поехал. Зашел в церковь к правому крылосу. Когда заутренняя закончилась и пришло время перед утренней обедней, явились два посланца. Они говорят: “Федор Кирон, добрый человек. Держатель земли русской, позвали же позвали тебя навстречу грому, против молнии”. Три раза посланцы приходили. Федор Кирон из церкви домой пошел, попросил у матери благословения, затем сел на коня и отправился на войну... Федор Кирон много народу поубивал. “Рубился – рубился... Кровь по колено коню стала... Рубился–рубился...Кровь по брюхо коню стала”). Продолжение не слышал. Вероятно, в этой борьбе он и погибает»⁷.

Приведенный выше вариант дает возможность рассмотреть две части песни о Педоре Кироне отдельно. Поскольку речь идет об узколокальной традиции, за границами которой песня о Педоре Кироне неизвестна, можно уверенно говорить о том, что все они восходят к общему «протоварианту» – исходной версии эпической песни. Говоря о первой части, можно выделить определенную последовательность сюжетных эпизодов: 1) вещий сон Федора Кирона; 2) появление посланцев с призывом на битву; (в разных вариантах здесь используется прием ретардации, количество вестников варьирует от двух до двенадцати); 2) отказ матушки отпускать сына на битву 3) сборы на войну (Вариант 19 (II) заканчивается этим); 4) битва с врагами и смертельное ранение; диалог с конем (конь уговаривает его сесть на него); умирающий герой отправляет с конем весть о смерти. В развернутом виде последняя часть представляет сюжет лирической песни о смерти воина на чужбине. В ряде вариантов эпизоды 1 и 2 редуцированы в один: явившиеся во сне птицы зовут Педор Кирона на битву (19-I – III); соответственно, мотив появления посланцев на конях или выпадает (19-I, III), или дублирует уже полученную весть о войне (19-II). Применительно к данному эпизоду инвариантным может быть назван текст (19-V) с сюжетом о «вещих» снах. Текстуально близки к этому варианту приведенный выше пересказ из архива А.С. Сидорова, а также записанная в 2023 г. песня о Педоре Кироне.

⁷ Архив А.С. Сидорова, рукописи. Фольклорные материалы, Т.2. Л.192. Запись А. Курочкина, верхняя Вычегда, 1923 г. // Сектор этнографии ИЯЛИ Коми НЦ. Собиратель отождествляет термины «легенда» и «былина», вероятно, из стремления сделать наукообразное описание.

Кирьян-Варьян и Педор Кирон

Особое место в контексте сопоставления двух эпических песен о богатырях – защитниках русской земли занимает одна из ранних записей (1946 г.) песни о Педоре Кироне (19-IV) – единственная версия сюжета с благополучным финалом: так же, как и Кирьян-Варьян, Педор Кирон здесь побеждает врагов и остается живым и отказывается от наград. Образ богатыря здесь лишен эпического размаха и гиперболизма. Педора Кирона трижды призывают на битву, за ним приезжает сам князь на карете; он отказывается сесть в его карету, добирается, как охотник, на лыжах, победив врагов, просит вместо княжеского вознаграждения для себя промысловые угодья в Веслянах.

Отметим, что этот вариант песни по сюжету близок к преданиям о коми-пермяцком Пера-Богатыре, бытовавшим и у коми-зырян: русский царь (в другом варианте – князь Великой Перми) призывает богатыря на битву с врагом; Пера на лыжах добирается до вражеского войска и побеждает; в благодарность за победу над врагом получает от царя (князя) ловчую сеть и грамоту на владение лесным промысловым участком в родных краях [8, с. 38–41]. Оба варианта предания о Пере записаны на верхней Вычегде – в том же регионе, что и эпические песни о Педоре Кироне.

Примечательно, что в данном варианте Педор Кирон обозначен как местный герой. В первой публикации текста отмечено: *Веслянаын прѹмышленник – ён багатырь – вѹлѹма* 'В Веслянах был такой охотник– промысловик – сильный богатырь' [14, с. 192]. В комментариях к записи сказано, что исполнительница из с. Керчомьи слышала эту песню от деда, который занимался охотничьим промыслом в Веслянах – (речь идет о бассейне р. Весляна – притока Выми). Таким образом, песня о Кирьяне- Варьяне и рассматриваемый вариант песни о Федоре Кироне оказываются связанными с фольклорной традицией Выми. Появление князя в сюжете о Педоре Кироне вполне может быть соотнесено с циклом преданий о Вымских князьях (об этом см. [15]). Особое место в этом цикле может быть отведено сказочно-мифологическим сюжетам, которые, несмотря на свою явную несовместимость с историческими текстами, также достаточно органично включаются в общую повествовательную канву. Здесь можно отметить оригинальные сюжеты о князе–«людоеде», воспроизводящим тему змеборчества: «В Княжпогосте жил какой-то князь, говорят. Князь этот был такой, что ему надо было ежедневно приносить в жертву одного живого человека. А одну девушку спас, говорят, какой-то богатырь. Тот уже было поднес ее ко рту, а его этот богатырь зарубил. <А кто был этот богатырь?> – Может быть, Кирьян-Варьян»⁸. Поскольку к этому моменту текст о Кирьяне-Варьяне уже был неоднократно опубликован, сложно судить о возможном существовании других источников об этом эпическом персонаже. Образ змеборца развивается еще одном сюжете, включенном в цикл преданий о Стефане Пермском, записанном в дер. Ыб Усть- Вымского района (там же, где и песня о Кирьяне-Варьяне). В основе этого повествования лежит сюжет о змеборце из апокрифического жития св. Георгия, который переосмыслен как вариант предания о борьбе Стефана Пермского с князем: князя-людоеда, обернувшегося в змея, побеждает Георгий Победоносец; спасенная девушка становится царицей Александрой⁹. Кроме того, по аналогии с сюжетом о князе-основателе Княжпогоста в повествовательной традиции возникает целый ряд князей- первопоселенцев, имена которых представляют собой результат осмысления местных топонимов.

Таким образом, перед нами возникает особый фольклорный пласт, в который вполне органично могут быть «вписаны» и образы Кирьяна- Варьяна и Педора Кирона. Это открывает еще одну перспективу для дальнейшего исследования эпической традиции коми. Возвращаясь

⁸ Записано Е.В. Ветошкиной в дер. Оквад Усть-Вымского р-на РК от Н.А. Зиновьевой, 1917 г.р. в 1981 г.; Материалы фольклорной экспедиции, собранные в Княжпогостском и Усть-Вымском районах Коми АССР. № 385. Приводится в переводе.

⁹ Записано Е.В. Ветошкиной в дер. Ыб Усть-Вымского р-на РК от А.М. Пасынковой, 1912 г.р., в 1981 г.

к вопросу о взаимосвязи двух эпических песен о защитниках русской земли, стоит еще раз присмотреться к именам героев *Кирьян* и *Кирон*: оба имени могут ассоциироваться с именем Кирьян, которое считается просторечной формой канонических имен Кирилл или Кирыак. В коми ономастиконе именно последнее в ряду родовых имен является именем собственным (Педор Кирон = Кирон Федорович, или Кирон из рода Федора); деревенская форма имени – Кирэ. А далее, в соответствии с протовариантным двойным именем, в сознании исполнителей могло возникнуть двусоставное Кирьян-Варьян. Выдвинутое А. К. Микушевым предположение, что имя Кирьян-Варьян изначально могло представлять прозвище, связанное с понятием «в пух-прах разрушающий», проецируемое на действия героя, который разбивает вражеское войско (А. К. Микушев опирается на то, что в диалектах региона можно встретить такие слова, как *кирийны*, *гирийны* ‘распускать петли, рвать нить’, а также *варйыны*, *варкӧдны*, *варӧдны* ‘продавить, раздавить, проломить, придавить’), не очень убедительно по этимологии, но вполне могло появиться как характерный для коми языка способ последующего «удвоения» имени в русле создания звукоизобразительных биномов типа *киръен-варъен* ‘разорваться в клочья, обвиснуть клочьями’ [16, с. 669]. Продолжая эту связь, можно представить вектор развития сюжета о Педоре Кироне от сюжета с победившим богатырем к сюжету о погибшем на чужбине воине. Примечательно, что рассмотренный вариант здесь песни о Педоре Кироне (19-IV) был записан на границе с зоной распространения религиозной традиции «Певцы добра», в старообрядческом с. Керчомъя, ниже по течению р. Вычегда.

Матушка Темрюковна и Федор

В пяти из вариантов песни о Педоре Кироне, где есть образ матушки, она названа Темрюковной (Темруковной, Кемруковной); в варианте (19-IV) матушка названа Ликериной. Имя «Матушка Темрюковна» без сомнений восходит к имени второй жены Ивана Грозного – Марии Темрюковны (до крещения – княжна Кученей). В русском фольклоре образ Темрюковны достаточно популярен, но единственный Федор, который мог бы назвать ее «матушкой» – это сын Ивана Грозного от первой жены Анастасии Романовны – Федор, для которого Мария Темрюковна была мачехой. Мария Темрюковна не оставила наследников и рано умерла. После смерти Ивана Грозного царем всея Руси стал Фёдор Иванович (1557–1598 гг.) – последний представитель московской ветви династии Рюриковичей (старший брат Иван умер в 1581 г., как принято считать, от нанесенной отцом раны). Федор стал царем в 27 лет и правил государством до своей кончины. За свою богомольность и набожность канонизирован Русской православной церковью как «святой благоверный Феодор I Иоаннович, царь Московский». Почитание царя началось вскоре после его кончины: святой Патриарх Иов составил «Повесть о честном житии царя Федора Иоанновича», уже с начала XVII века известны иконные изображения святого Феодора в нимбе как одного из московских чудотворцев. Отметим, что на ряде икон св. благоверный Федор I изображался с мечом, т. е. как святой воин-защитник. Возвращаясь к сюжету о Педоре Кироне, заметим, что набожность и сыновья послушность главного героя, как и эпитеты «наибольший царь», «Вавилонский сын Иванович» больше подходят именно царю Федору Ивановичу. Далее, в цикле произведений об Иване Грозном можно выделить песню «Смерть царицы», посвященную Анастасии Романовне – первой жене Ивана Грозного, матери Ивана и Федора. Во всех вариантах записей этой песни царица безымянна, и образ матушки-царицы в народном сознании мог слиться с более известным фольклору образом царицы Марии Темрюковны.

Небесным покровителем Федора Ивановича стал Федор Стратилат. В честь рождения сына Иван Грозный повелел построить церковь Федора Стратилата, которая стала главным собором Федоровского монастыря в г. Переславль-Залесский и сохранилась до настоящего времени. В противоположность своему отцу, Федор Иоаннович обладал мягким и смиренным нравом, много сил отдавал богоугодным делам, занимался строительством и украшением храмов. Одним из стимулов для этого была тревога о наследнике престола. По приказу бездетной четы московских правителей, после венчания в 1580 г. в течение двенадцати лет создавались много-

численные произведения искусства, часто с изображением святых Федора Стратилата и мученицы Ирины (небесных покровителей царственных супругов), которые вкладывались в монастыри и храмы Руси «в моление» о чадородии. После долгожданного рождения в 1592 г. дочери Феодосии царственными супругами были разосланы еще более щедрые вклады по монастырям и церквям не только Руси, но и Палестины [17]. Это знаменательное событие нашло отражение и на образе из собрания Музея русской иконы, где на правом поле, рядом с небесной покровительницей матери, находится приписной образ преподобномученицы Феодосии [18, кат. № 125, с. 516–519]. Продолжая рассматривать взаимосвязь образов царя Федора и Федора Стратилата, еще раз вспомним, что в иконографии часто два святых воина – Федор Тирон и Федор Стратилат (культ которого появился гораздо позже) изображались вместе, да и имена их в фольклорных и в агиографических текстах иногда путались¹⁰.

А. К. Микушев во введении к сборнику «Коми эпические песни и баллады» вспоминает, как несколько лет назад писатель П. Доронин сообщил о том, что в 1920-х гг. на Вычегде в с. Гам он слышал духовный стих «Как при том царе да Федоре, да при Федоре да Стратилатовиче» [20, с. 16]. Поскольку духовных стихов о Федоре Стратилате не зафиксировано, очевидно, что здесь возникло какое-то наложение, и нельзя исключать ассоциаций с царем Федором Ивановичем. Отметим, что образ «благодарного Федора» в русских исторических песнях нередко заменяет других царевичей. Например, в песне о покушении Грозного на сына Ивана, царевич назван Федором (Федор пытается спасти новгородцев от казни); в песне «Семейная жизнь Петра I» царевич Алексей так же назван Федором [21, с. 44–45]. То есть образ Федора в фольклорной традиции воспринимался как воплощение «благодарного сына-царевича», защищающего русский народ. Однако, вероятней всего, в приведенном А.К. Микушевым примере речь идет о духовном стихе о Егории Храбром. Так в публикации Бессонова встречается такой зачин: «Да при том царе, да ли все при Федоре, / Да при Федоре Стратилатора» [22, с. 98]. Здесь Федор Стратилат – отец Егория Храброго. Таким образом, можно предположить, что имена трех святых – Федора Стратилата, Федора Тирона и Царя Федора в фольклорной традиции соединились в один нарицательный образ благочестивого воина-защитника и держателя русской земли. В коми традиции этот образ оказался соотнесен с именем Педора Кирона, весьма опосредованно связанного с образом Федора Тирона.

Заключение

Опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении архивные записи, мы попытались рассмотреть ряд проблем, связанных с происхождением эпической песни о Педоре Кироне. Несмотря на очевидный заимствованный характер, она не имеет аналогов в русском фольклоре, а сюжет представляет собой мозаичное сцепление фрагментов или отдельных образов из самых разных пластов как русского, так и коми фольклора. Имя героя восходит к имени христианского святого Федора Тирона, но сюжет песни о Педоре Кироне никак не пересекается ни с житийным сюжетом о святом, ни с духовным стихом о Федоре Тироне. Привлеченный к анализу фольклорный материал позволил сделать вывод о двусоставности рассматриваемой эпической песни. Она состоит из двух самостоятельных песенных сюжетов: сюжет о призыве Педора Кирона на битву и сюжет о гибели героя на чужбине, восходящий к солдатским песням, бытовавшим параллельно с эпическим произведением. Один из вариантов записи песни о Педоре Кироне с победным финалом выдвинут нами как промежуточный вариант двух известных сюжетов о богатыре Кирьяне-Варьяне и сюжетов о гибели Педора Кирона.

Устойчивый образ «матушки Темрюковны», без сомнений восходящий к имени второй жены Ивана Грозного – Марии Темрюковны, позволил выявить возможную связь образа Педора Кирона с образом сына Ивана Грозного Федора Ивановича. Будучи канонизированным как «святой благодарный Федор I Иоаннович, царь Московский», образ царя Федора, покровителем

¹⁰ О смешении двух образов, например [19].

которого был святой Федор Стратилат, в русском фольклоре приобрел черты нарицательного героя. Расширяя этот ракурс, мы обнаружили факты, позволяющие говорить о том, что имена трех святых – Федора Стратилата, Федора Тирона и Царя Федора в русской фольклорной традиции иногда представляют обобщенный нарицательный образ благочестивого воина–защитника и держателя русской земли. В коми традиции этот нарицательный образ оказался соотнесен с именем Педора Кирона, весьма опосредованно связанного с образом святого Федора Тирона. Мы пока не можем точно сказать, каким образом сюжет о гибели безымянного воина на чужбине соединился с сюжетом о богатырском подвиге Педора Кирона. Возможно, в репертуаре эпических певцов были подобные сюжеты о гибели богатыря в битве, послужившие аналогом для возникновения подобной контаминации. Поэтому дальнейшее исследование этого произведения может быть направлено на более глубокий анализ сюжетных пересечений с русским былевым эпосом, который может дать дополнительные данные, связанные с истоками песни о Педоре Кироне.

Литература

1. Микушев А.К. (ред.) *Коми народный эпос*. Москва: Наука; 1987:686.
2. Микушев А.К. Коми народный эпос. В кн.: Микушев А.К. (ред.) *Коми народный эпос*. Москва: Наука; 1987:8–64.
3. Гагарин Ю.В. «Бурсьылысь» как местная разновидность православия в Коми крае. В кн.: Жеребцов Л.Н. (ред.) *Этнография и фольклор коми: труды Института языка, литературы и истории. № 17*. Сыктывкар: Академия наук СССР Коми филиал; 1976:60–74.
4. Бахтина В.А. Духовный стих о Святом Феодоре Тироне (этнорегиональные трансформации). В кн.: Гацак В.М., Дранникова Н.В. (ред.) *Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнитет этноса*. Вып. 2: Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 20–21 ноября 2003 г.). Архангельск: Поморский университет; 2004:33–39.
5. Бахтина В.А. Феодор Тирон в письменно-устной традиции и иконографии. В кн.: Сазонова Л.И. (ред.) *Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003): Доклады российской делегации*. Москва: Наследие; 2003:336–350.
6. Власов А.Н. Русские сюжеты в коми фольклоре. Проблемы формирования эпических форм. В кн.: Бахтина В.А. (ред.) *Этнопоэтика и традиция: сборник научных статей в честь 70-летия В.М. Гацака*. Москва: Наука; 2003:78–114.
7. Власов А.Н. Педор Кирон. В кн.: Напольских В.В. (ред.) *Мифология коми. Энциклопедия уральских народов*. Т. 1. Москва; Сыктывкар: ДИК; ИЯЛИ; 1999:292.
8. Рочев Ю.Г. (ред.) *Коми легенды и предания*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во; 1984:176.
9. Герасименко Н.В. *Святое воинство. Образы небесных защитников в русском искусстве XII – начала XX века*: Каталог выставки [в ЦМиАР] 6 мая – 15 августа 2010 г. Москва: Изд-во ЦМиАР; 2010:96.
10. Микушев А.К., Чисталев П.И. (ред.) *Коми народные песни: Выгегда и Сысола*. Т. 1. Изд. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во; 1993:287.
11. Микушев А.К., Чисталев П.И., Рочев Ю.Г. (ред.) *Коми народные песни: Вымь и Удора*. Т. 3. Изд. 2. Сыктывкар: Шыпас; 1995:256.
12. Листопадов А.М. *Песни донских казаков*. Т. 2. Москва: Изд-во Российской национальной библиотеки; 1950:588.
13. Панюков А.В. Формула «На том берегу дым дымится» в коми фольклорной картине мира. В кн.: Фадеева И.Е., Сулимов В.А. (ред.) *Семиозис и культура: философия и антропология разрыва (текст, сознание, код)*: сборник научных статей. Сыктывкар: КРАГСиУ; 2010:278–282.
14. Плесовский Ф.В. *Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пословицяс (коми сказки, песни и пословицы)*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во; 1956:226.
15. Панюков А.В. Фольклорная традиция Выми в жанрах сказочной прозы. В кн.: Филиппова В.В. (ред.) *Фольклористика коми: Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте*. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН; 2012:21–45. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 7).

16. Безноси́кова Л.М. (ред.) *Словарь диалектов коми языка = Коми сёрнисикас кывчукёр: в 2 т.: более 78000 слов. Т. I: А–О*. Сыктывкар: Кола; 2012:1096.
17. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Годунов в кругу родни (Биографические разыскания)*. Санкт-Петербург: Евразия; 2022:224.
18. Шалина И.А. (ред.) *Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков из частных собраний: Каталог*. Москва: Музей русской иконы; 2009:592.
19. Микушев А.К. Эпические традиции в коми фольклоре. В кн.: Пропп В.Я. (ред.) *Коми эпические песни и баллады*. Москва: Наука; 1969:4–23.
20. Калецкий П.И. К вопросу о проблематике и основных образах исторических песен XVI–XVIII вв. В кн.: Астахова А.М. (ред.) *Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 3*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР; 1958:26–45.
21. Творогов О.В. Мучение Феодора Стратилата. В кн.: Лихачев Д.С. (ред.) *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1*. Ленинград: Наука; 1987:268–271.
22. Бессонов П.А. Калики переходные. Вып. 1–3. Москва: Тип. А. Семена; 1861–1864:855.

References

1. Mikushev AK. (ed.) *Komi folk epic*. Moscow: Nauka Publ.; 1987:686 (in Komi and Russian).
2. Mikushev AK. Komi folk epic. In: Mikushev AK. (ed.) *Komi folk epic*. Moscow: Nauka Publ.; 1987:8–64 (in Russian).
3. Gagarin YuV. “Bursyls” as a local variety of Orthodoxy in the Komi Territory. In: Zharebtsov LN. (ed.) *Ethnography and Komi folklore: works of the Institute of Language, Literature and History. No. 17*. Syktyvkar: USSR Academy of Sciences Komi branch Publ. House; 1976:60–74 (in Russian).
4. Bakhtina VA. Spiritual verse about St. Theodore Tyrone (ethnoregional transformations). In: Gatsak VM., Drannikova NV. (eds.) *Folk cultures of the Russian North. Ethnic folklore entity. Iss. 2: Materials of the Russian-Finnish Symposium (Arkhangelsk, November 20–21, 2003)*. Arkhangelsk: Pomeranian University Publ. House; 2004:33–39 (in Russian).
5. Bakhtina VA. Theodore Tyrone in the written and oral tradition and iconography. In: Sazonova LI. (ed.) *Literature, culture and folklore of Slavic peoples. 13th International. Congress of Slavists (Ljubljana, August 2003): Reports of the Russian delegation*. Moscow: Heritage Publ.; 2003:336–350 (in Russian).
6. Vlasov AN. Russian stories in Komi folklore. Problems of the formation of epic forms. In: Bakhtina VA (ed.) *Ethnopoetics and tradition: Sat. scientific. Art. in honor of the 70th anniversary of V.M. Gatsak*. Moscow: Nauka Publ.; 2003:78–114 (in Russian).
7. Vlasov AN. Pedor Kiron. In: Napolsky VV. (ed.) *Komi mythology. Encyclopedia of the Ural peoples. Vol. 1*. Moscow, Syktyvkar: DIK Publ., ILLA Publ. House; 1999:292 (in Russian).
8. Rochev YuG. (ed.) *Komi legends and stories*. Syktyvkar: Komi Book Publ. House; 1984:176 (in Komi and Russian).
9. Gerasimenko NV. *The holy army. Images of heavenly defenders in Russian art of the 12 – early 20 centuries: Exhibition catalog* [in TsMiAR] May 6 – August 15, 2010. Moscow: TsMiAR Publ. House; 2010:96 (in Russian).
10. Mikushev AK., Chistalev PI. (eds.) *Komi folk songs: Vychehda and Sysola. Vol. 1. Ed. 2*. Syktyvkar: Komi Book Publ. House; 1993:287 (in Komi and Russian).
11. Mikushev AK., Chistalev PI., Rochev YuG. *Komi folk songs: Wym and Udora. Vol. 3. Ed. 2*. Syktyvkar: Komi Book Publ. House; 1995:256 (in Komi and Russian).
12. Listopadov AM. *Songs of the Don Cossacks. Vol. 2*. Moscow: Russian National Library Publ. House; 1950:588 (in Russian).
13. Panyukov AV. Formula “On the other bank smoke smokes” in the Komi folklore picture of the world. In: Fadeeva IE., Sulimov VA. (eds.) *Semiosis and culture: philosophy and anthropology of the gap (text, consciousness, code): a collection of scientific articles*. Syktyvkar: KRAPAM Publ. House; 2010:278–282 (in Russian).
14. Plesovsky FV. *Komi fairy tales, songs and proverbs*. Syktyvkar: Komi Book Publ. House; 1956:226 (in Komi).
15. Panyukov AV. The folklore tradition of Vym in the genres of unpretentious prose. In: Filippova VV. (ed.) *Komi folklore: Regional folklore traditions of the European Northeast and Trans-Urals in an intercultural*

context. Syktyvkar: ILLH KSC UB RAS Publ. House; 2012:21–45 (in Russian). (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Iss. 7).

16. Beznosikova LM. (ed.) *Dictionary of dialects of the Komi language. In 2 vols: more than 78,000 words. Vol. I.: A–O*. Syktyvkar: Kola Publ.; 2012:1096 (in Komi and Russian).

17. Litvina AF., Uspensky FB. *Godunov in the circle of relatives (Biographical searches)*. Saint Petersburg: Eurasia Publ., 2022:224 (in Russian).

18. Shalina IA. (ed.) *Masterpieces of Russian icon painting of the 14–16 centuries from private collections: Catalog*. Moscow: Museum of Russian Icon Publ.; 2009:592 (in Russian).

19. Mikushev AK. Epic traditions in Komi folklore. In: Propp VYa. (ed.) *Komi epic songs and ballads*. Moscow: Nauka Publ, 1969:4–23 (in Russian).

20. Kaletsky PI. On the issue of problems and the main images of historical songs of the 16–18 centuries. In: Astakhova AM. (ed.) *Russian folklore. Materials and research*. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Publ. House of the USSR Academy of Sciences; 1958:26–45 (in Russian).

21. Tvorogov OV. The Torment of Theodore Stratelates. In: Likhachev DS. (ed.) *Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus*. Iss. 1. Leningrad: Nauka Publ., 1987:268–271 (in Russian).

22. Bessonov PA. *Kaliki convertible*. No 1–3. Moscow: Typography of A. Semen; 1861–1864:855 (in Russian).

Об авторах

Панюков Анатолий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела языка, литературы и фольклора Института языка, литературы и истории ФИЦ «Кomi научного центра Уральского отделения РАН», ORCID: 0000-0003-1623-9940, e-mail: apankomisc@mail.ru.

Савельева Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории ФИЦ «Кomi научного центра Уральского отделения РАН», ORCID: 0000-0003-1211-3283, e-mail: galsav69@mail.ru.

About the authors

Anatoliy V. Panyukov, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Language, Literature and Folklore Department, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0003-1623-9940, e-mail: apankomisc@mail.ru.

Galina S. Savelyeva, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Language, Literature and Folklore Department, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0003-1211-3283, e-mail: galsav69@mail.ru.

Вклад авторов / Authors' contribution

Панюков Анатолий Васильевич – разработка концепции, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, руководство исследованием, получение финансирования.

Anatoliy V. Panyukov – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing, supervision, funding acquisition.

Савельева Галина Сергеевна – проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, получение финансирования.

Galina S. Savelyeva – investigation, writing – original draft, writing – review & editing, funding acquisition.

Конфликт интересов / Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 05.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 24.02.2026

Принята к публикации / Accepted 17.03.2026